

— Послушай, ну как так можно? Почему ты вдруг перестала петь? Сжался, сейчас не время капризничать! — раздался голос мужчины средних лет.

— Не то чтобы я не хотела, просто больше не могу, — последовал спокойный ответ женщины.

— Что значит не можешь? Ты что, издеваешься надо мной, предки твои?! — возмутился мужчина, в его голосе зазвучало нескрываемое раздражение.

— Просто не могу. Разучилась, — ответила женщина.

— Какая еще нечисть в тебя вселилась? Столько лет играешь этот спектакль и вдруг забыла слова! Там столько ушей слушает, столько глаз смотрит, ты же позоришь нашу труппу! Ладно, живо бери сценарий, следующий акт должен состояться, а я пойду просить прощения у князя.

Мужчина закончил фразу и откинул занавес. Увидев перед собой Хэ Вэйжань и Ли Куэр, он на секунду замер, а затем поспешно направился к крытой галерее.

Ли Куэр и Хэ Вэйжань переглянулись, но ни одна из них не сдвинулась с места. Вскоре из-за занавеса донеслось тихое напевание:

— Пастух, неужели... неужели в глубине лазурных облаков... в глубине лазурных облаков мы откроем сердца? Желание... желание... желание... БАЦ!

Из-за занавеса с силой вылетела книга. Ли Куэр, державшая поднос, не успела среагировать, и тяжелый том угодил ей прямо в колено. Хэ Вэйжань поспешно подхватила её, чтобы та не уронила чайник. Ли Куэр посмотрела на упавшую книгу — это был сценарий к пьесе о Пастухе и Ткачихе. Похоже, женщина за занавесом была в ярости.

Ли Куэр почти не сомневалась, что там скрывается прославленная прима труппы Хуалин — Чэн Сяшу. Но вспомнив недавнее пение, она поняла: пусть она и не была знатоком театра, но даже ей было ясно, что в тех коротких строчках едва ли была хоть одна верная нота. Странно до невозможности.

Ли Куэр шепотом рассказала всё Хэ Вэйжань, желая узнать её мнение. Та промолчала, лишь наклонилась, подняла сценарий и жестом пригласила Ли Куэр войти за занавес.

Внутри стояло несколько туалетных столиков и стульев. Чэн Сяшу в белом одеянии сидела в одиночестве. Грим был смыт, но лицо, несмотря на изысканный макияж, выглядело осунувшимся и полным такой глубокой печали, что даже сценическая Ткачиха казалась более беззаботной. Ли Куэр впервые видела приму так близко и всё происходящее казалось ей чем-то нереальным.

— Госпожа Чэн, мы нашли этот сценарий снаружи, полагаем, он принадлежит вашей труппе, —

первой заговорила Хэ Вэйжань.

— Да, наш, спасибо, — Чэн Сяшу, не вставая, подняла взгляд на Хэ Вэйжань, вымученно улынулась, взяла книгу и положила её на столик. Больше она не проронила ни слова, всем своим видом показывая, что гостям пора уходить.

Однако Хэ Вэйжань не сдвинулась с места. Она взяла чашку, стоявшую рядом с Чэн Сяшу, налила в неё чаю из чайника, который держала Ли Куэр, и спросила:

— У вас проблемы с горлом? Может, выпьете чаю, а мы тем временем сходим за лекарем?

Чэн Сяшу не стала отказывать в любезности, сделала глоток, но покачала головой:

— Горло не болит, говорю я нормально. Но стоит начать петь, как мелодия, что звучит в душе, на деле превращается в нечто несуразное. Боюсь, лекари тут не помогут.

Ли Куэр моргнула, вспомнив симпатичного юношу, приглянувшегося Сяо Цюй. Как говорила тетушка Фан, он был новым учеником лекаря Мао. И хотя звание ученика звучало не слишком солидно, мастерство лекаря Мао в городке считалось лучшим, так что его протеже наверняка был не промах.

Подумав об этом, Ли Куэр почувствовала уверенность и, закусив губу, произнесла:

— Сегодня в поместье пришел молодой лекарь, ученик из лавки Чуаньцао. Может, стоит попросить его осмотреть вас? Вдруг он сумеет помочь?

Чэн Сяшу немного подумала, поставила чашку, поднялась и отвесила Ли Куэр поклон:

— В таком случае, буду очень признательна.

Ли Куэр смутилась от такой церемонности, замахала руками, прося не беспокоиться, и, увидев кивок Хэ Вэйжань, бросилась искать младшего брата тетушки Фан.

Она бежала быстро и вскоре оказалась у крытой галереи. Там уже вовсю судачили о замене актрисы.

— Это всё Чэн Сяшу капризничает, прима, что с неё взять.

— А я думаю, хозяин труппы просто пользуется случаем, чтобы продвинуть новую актрису.

— В театральных труппах интриги — дело привычное. Подставить другого, чтобы занять его

место — это еще цветочки, бывает, что и жизни лишают. Ты слышал, как она пела в конце? Совсем не попадала в ноты. Может, её опоили чем?

— Не болтай ерунды, какое зелье может такое сотворить?

— А ведь эта новая актриса поет неплохо. Кажется, её зовут Су Чжуй. Раньше она играла служанок, но иногда заменяла Чэн Сяшу в малых постановках.

— Толку-то, что поет неплохо? Пока жива Чэн Сяшу, ей никогда не выйти из тени.

— Вот именно... хе-хе.

Слушая эти злобные домыслы, Ли Куэр почувствовала тревогу. Оглядевшись, она увидела Сяо Цюй, которая сидела рядом с тетушкой Фан и оживленно болтала, периодически поглядывая на юношу рядом. Тот сидел, опустив голову, с красными ушами, совершенно растеряв свой прежний блеск. Ли Куэр прониклась глубоким уважением к Сяо Цюй: вот уж у кого хватки не занимать, тратить такой талант на кухне было сущей тратой.

— Сяо Цюй, иди сюда на минуту, — позвала Ли Куэр.

Сяо Цюй недовольно поморщилась, что ей помешали, но всё же подошла:

— Что еще? Я занята.

Ли Куэр закатила глаза:

— Ты уже подружилась с красавчиком? Одолжи его мне.

— Зачем? — Сяо Цюй настороженно прищурилась.

— Нужно, чтобы одного человека осмотрел, — пояснила Ли Куэр.

— Сразу бы так и сказала.

Сяо Цюй повела подбородком, велев подождать, и прошептала пару слов парню. Тот кивнул, бросил взгляд на Ли Куэр и последовал за ними.

Ли Куэр подумала, что Сяо Цюй ужасно ревнива — даже на пару минут не хочет оставлять красавчика одного, боится, что уведут. По дороге она объяснила:

— У госпожи Чэн Сяшу проблемы с голосом, я подумала о господине Фане.

Не успел юноша ответить, как Сяо Цюй перебила:

— Ты обратилась по адресу! Хотя Ханьцай учился медицине сам, он настолько впечатлил лекаря Мао, что тот взял его в ученики. Это мне тетушка Фан сказала!

— Ну что вы, я не заслуживаю такой похвалы, — скромно ответил Ханьцай.

Они уже перешли на имена... Ли Куэр потерла нос, чувствуя себя лишней.

Подойдя к сцене, они зашли за занавес. Хэ Вэйжань и Чэн Сяшу о чем-то говорили, но, увидев гостей, уступили место Фан Ханьцаю.

Тот поклонился и спросил:

— Прошу прощения, если буду неучтив. На что жалуетесь?

Чэн Сяшу повторила свою историю. Фан Ханьцай задумался, попросил её открыть рот, произнести звуки, затем закатал её рукав и приложил пальцы к запястью.

Он был предельно сосредоточен, нахмутив брови. Долгое время в палатке стояла тишина, но в конце концов он вздохнул, поднялся и поклонился:

— Мои познания слишком скудны, я не могу определить причину недуга. Боюсь, вам стоит показаться моему учителю.

Чэн Сяшу помрачнела. Даже в этот момент она сохраняла ту особую грацию, присущую лишь актрисам. Она глубоко поклонилась, поблагодарив всех:

— Благодарю за заботу. Завтра же наведаюсь в лавку Чуаньцао. Прошу, не беспокойтесь обо мне, возвращайтесь к представлению.

Понимая, что она хочет побыть одна, они попрощались и вернулись к галерее. Сяо Цюй, воспользовавшись тем, что Хэ Вэйжань осталась без места, уселась между Фан Ханьцаем и тетушкой Фан. Ли Куэр с чайником проводила Хэ Вэйжань на прежнее место. Аляо и Ачу поприветствовали их и спросили, куда делась Сяо Цюй.

— Сяо Цюй? Да она завтра под венец пойдет, — усмехнулась Ли Куэр.

— Ой, не может быть! Вот это девка, неужто и правда красавчика отхватила?

Ли Куэр указала на Фан Ханьцая:

— Вон тот, справа от неё. Фан Ханьцай, племянник тетушки Фан, ученик в Чуаньцао. Будущий лекарь.

— Ах! И правда, красавец... Ну надо же, опередила нас. Впрочем, хорошо, если что заболит — лекарь под боком будет.

— Рано радуетесь, еще ничего не решено.

— Да какая разница, главное — чтобы у них ничего не вышло, ха-ха-ха!

Они смеялись, наблюдая за сценой. Один акт сменялся другим, но Ткачиху играла уже не Чэн Сяшу.

Ли Куэр наклонилась к Хэ Вэйжань:

— Сестрица Хэ, как думаете, у Чэн Сяшу какая-то странная болезнь? Такая, которую лекари не видят?

Хэ Вэйжань смотрела на занавес, слегка прищурившись:

— Не знаю. Может, какой-то демон украл её талант к пению...

<http://bllate.org/book/19134/1879222>